

Galina Mikhailova
Самозащита Анны Ахматовой,
или Виновна ли королева?

Предметом рассуждений будет стихотворный набросок от 1.07.1962 г в записных книжках Ахматовой, в котором имена собственные отсылают к трагедии У. Шекспира «Гамлет», а также к историко-политическому и культурному контексту Европы XVI—XVII в.:

Путь мой предсказан одною из карт,
Тою, которой не буду...
Из королев на Марию Стюарт
(Гамлетову Гертруду)¹.

Укажем на закономерность упоминания в наброске королевы Гертруды. Шекспир — постоянное чтение и объект филологического интереса Ахматовой. Страсть — усилившаяся, предполагаем, в нач. 1960-х гг. В это время Г. М. Козинцев предлагал Ахматовой принять участие в работе над сценарием фильма «Гамлет»: сделать новые — возможно, прозаические — переводы некоторых монологов трагедии. Предложение режиссера Ахматова сочла «заманчивым и интересным»².

© Galina Mikhailova, 2014

© TSQ № 47. Winter 2014

Пользуясь случаем, благодарю за ценные советы Р. Д. Тименчика и В. Ю. Ермалова.

¹ Записные книжки Анны Ахматовой (1958—1966) / Сост. и подготовка текста К. Н. Суворовой, вступ. ст. Э. Г. Герштейн, науч. консультирование, введ. заметки к зап. книжкам, указатели В. А. Черных. М.—Torino: Giulio Einaudi editore, 1996. С. 235. Далее — «Записные книжки».

² Цит. по: Тименчик Р. Анна Ахматова в 1960-е годы. М.; Toronto: Водолей Publishers; The University of Toronto, 2005. С. 160.

Что касается имени Марии Стюарт (в связи с королевой Гертрудой), то оно также не случайно. Думается, что в своих «шекспировских штудиях» Ахматова следовала закрепившейся в шекспироведении мысли о том, что Шекспир был в курсе политических страстей, кипевших вокруг английского престола и в Шотландском королевском доме³. Поэтому не только в образе леди Макбет, но и в сюжете «Гамлета» Ахматова видела конкретные исторические аллюзии, связанные с личностью Марии Стюарт, пособницей и впоследствии супругой убийцы ее мужа. Можно предположить знакомство Ахматовой с трагедией Ф. Шиллера «Мария Стюарт». Если это так, то она не могла не обратить внимание на сходство сцен свидания королевы Гертруды с Гамлетом, требующим от матери рефлексии над теми обстоятельствами, которые привели ее к новому супружеству, и беседы Марии Стюарт с кормилицей Анной Кеннеди, которая растравляет совесть королевы подробностями ее третьего замужества. Подобие сцен особенно заметно в переводах Шекспира и Шиллера Б. Л. Пастернаком.

Пастернак был заморожен личностью и художественными инкарнациями Марии Стюарт: перевел три пьесы о жизненных перипетиях королевы Шотландии — трагедии Ф. Шиллера, Ю. Словацкого и Э. Ч. Суинберна. В маленькой поэме «Вакханалия» он отдал должное исполнительнице роли Марии Стюарт в мхатовской постановке шиллеровской трагедии⁴. Однако дело не в этом. Со слов Л. К. Чуковской известно, как «неистово бранила» Ахматова «Вакханалию»⁵. В ее гневном отрицании обычно усматривают возмущение пастернаковскими «описаниями собственного „богатого“ быта»⁶. Меж-

³ См., к примеру: Winstanley, L. *Macbeth, King Lear & Contemporary History*. Cambridge: Cambridge University Press, 1922; Id. *Hamlet and the Darnley murder*. In: Winstanley, L. *Hamlet and the Scottish Succession*. Cambridge: Cambridge University Press 1921. <http://www.sourcetext.com/sourcebook/library/winstanley/hamlet/2.htm>

⁴ См. письмо Пастернака А. К. Тарасовой от 5.08.1957 г. — Пастернак Е. Борис Пастернак. Биография. М.: Изд-во «Цитадель», 1997. С. 686.

⁵ Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. В 3 т. М.: Время, 2013. Т. 2. С. 279—280.

⁶ Записные книжки. С. 297.

ду тем, представляется, что негация сопряжена (помимо обиды на невнимание Пастернака к персоне и к творчеству Ахматовой⁷) и с резко отрицательным отношением к тогдашней «музе» Пастернака — О. В. Ивинской⁸. Последняя же вспоминала: «...в образе Марии Стюарт ему мерещился мой характер, потому делал он этот перевод <трагедии Шиллера> с особым вдохновением и тщанием»⁹. Почему бы не предположить, что экспрессивная оценка Ахматовой исторической Марии Стюарт:

«Это олицетворение вероломства, подлости, коварства, предательства. <...> И подумайте только, как ее прославляли и возвеличивали, словно христианку, растерзанную львами на арене Колизея по приказанию Нерона»¹⁰ —

базируется на до конца не отрефлектированном протестном чувстве Ахматовой в адрес Пастернака, не побоявшегося сплести в один узел блестящую игру мхатовской актрисы, воплотившей заложенный в героине Шиллера романтический и героический потенциал, и свои представления о женственном и женском, связанные с личностью своей «аживой» и «преступной» любовницы¹¹?

Итак, в стихотворной записи Ахматовой имена королевы Шотландии и правительницы шекспировского Датского коро-

⁷ См., к примеру, заметки Вяч. Иванова. — Иванов Вяч. Вс. Беседы с Анной Ахматовой // Воспоминания об Анне Ахматовой. Сост. В. Я. Виленкин и В. А. Черных. М.: Сов. писатель, 1991. С. 480.

⁸ См.: Чуковская Л. К. Записки об Анне Ахматовой. М.: Согласие, 1997. Т. 2. С. 207, 340 и др.

⁹ Ивинская О. В плену времени. Годы с Борисом Пастернаком. Вильнюс: Изд-во СП Литвы, 1991. С. 27.

¹⁰ Цит. по: Гозенпуд А. А. Неувядшие листья // Об Анне Ахматовой. Стихи. Эссе. Воспоминания. Письма / Сост. М. М. Кралин. Л.: Лениздат, 1990. С. 325—327. Впечатляет и ремарка собеседника к этой инвективе: «...говорила не только убежденно, но и страстно, как если бы Мария Стюарт была ее современницей» (Курсив мой. — Г. М.).

¹¹ Оставим в стороне рассуждения о степени истинности возложенных на Ивинскую обвинений, так как обращаемся исключительно к мнению Ахматовой о ней.

левства соположены. Предположим, что лирический сюжет этого наброска образует, к примеру, расклад карт Таро, когда одна из четырех придворных карт (карта королевы), характеризующая людей или их влияние на события, предсказывает лирическому субъекту жизненный путь Гертруды и ее прототипа — Марии Стюарт¹².

Основу того ролевого архетипа, с которым Ахматова была согласна себя идентифицировать, составляют особы королевской крови — Дидона, Федра, Саломея, Мелхола, Клеопатра, Бурбоны, король Лир. Это известная политика ахматовской мифологизации Я как в поэзии, так и во внепоэтической сфере¹³. Подобная стратегия поддерживалась (или инспирировалась?) ее современниками, начиная с Цветаевой и Мандельштама и заканчивая многочисленными ассоциациями, которые вызывал ее облик у друзей и знакомых¹⁴.

Но в поэтическом наброске из записных книжек высказано неповиновение «королевской» судьбе как предрешенности жизненного пути, точнее — содержанию этого предопределения. Подобная амбивалентная фатальность выражена «не-лексемой» («тою, которой *не буду...*»), в которой сквозь отрицание проступает утверждение: «не-Мария Стюарт» и «не-Гертруда» как отрицание-утверждение возможной самоидентификации.

¹² О связи архитектоники и смыслов драмы «Энума Элиш» с Большими Арканами Таро см.: Серова М. В. «Сожженная драма» Анны Ахматовой, или история одного безумия. <http://akhmatova.org/articles/serova4.htm>. В нашем случае смысловая и формальная неформальность дневниковой записи не дает оснований погружаться в каббалистику. Но заметим, что Старшие Арканы Таро олицетворяют этапы жизненного пути человека, и среди фигурных карт Таро, сопровождающих вербальные понятия, есть Таро, иллюстрирующие Шекспира.

¹³ См.: Цивьян Т. В. Кассандра, Дидона, Федра // Литературное обозрение. 1989. № 5. С. 29—33; Тименчик Р. Храм Премудрости Бога: стихотворение Анны Ахматовой «Широко распахнуты ворота...» // Slavica Hierosolymitana. 1981. Nr. 5—6. P. 297—317; Панова Л. Г. Из автопортретной галереи Ахматовой: «Клеопатра» (1940). Доклад на науч. семинаре «Проблемы поэтического языка». Москва, 19.06.2007. http://www.ruslang.ru/?id=seminar_fatееva_chronicle07.

¹⁴ См., к примеру: Адмони В. Г. Знакомство и дружба // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 334; Волков С. Диалоги с Иосифом Бродским. М.: Изд-во Эксмо, 2004. С. 491.

фикации с королевами, представляющими определенный вид судьбы.

Здесь оговоримся, что в своих рассуждениях следуем положению З. Фрейда об отсутствии отрицания в бессознательном: отрицая нечто, индивид предоставляет самое очевидное свидетельство утверждения этого нечто¹⁵. Согласно этой логике, категорическое неприятие Ахматовой теоретических выкладок Фрейда¹⁶ вскрывает немалый интерес поэта к «врагу искусства номер один»¹⁷. Пусть это будет оправданием присутствия некоторых элементов психоанализа в наших дальнейших рассуждениях.

Что могло послужить причиной появления четверостишья подобной смысловой двойственности? Отчего Мария Стюарт и Гертруда вызывают отторжение, хотя поля функциональных и оценочных номинаций царственных поэтических двойников Ахматовой (Дидоны, Федры, Саломеи, Мелхолы, Клеопатры) пересекаются с содержательной реальностью, стоящей за антропонимами Мария Стюарт и Гертруда — это изменницы, блудницы, оскорбители памяти мужа, (муже)убийцы (вольные или невольные), предательницы, заговорщицы, преступающие закон рода или социума? Предположим: оттого, что только Мария Стюарт и Гертруда ввержены в коллизию «мать и сын», разворачивающуюся в разных направлениях, но сопряженную с проблемами стыда, вины, страдания и возмездия.

Взаимоотношения Гамлета и Гертруды — одна из ведущих сюжетных линий шекспировской трагедии. Что касается Марии Стюарт, то шекспироведы полагают, что драма наследника шотландского престола Якова (оставленного Марией Стюарт во младенчестве, воспитанного ее врагами, вызывающего к мести за смерть отца, мятущегося между приверженцами

¹⁵ См.: Freud, S. Negation // The Freud Reader / Ed. P. Gay. New York: Norton, 1989. P. 666—670.

¹⁶ См. подборку ахматовских высказываний на эту тему у Р. Д. Тименчика. — Тименчик Р. Анна Ахматова в 1960-е годы. С. 325.

¹⁷ Ахматова — о Фрейде. Цит. по: Найман А. Рассказы о Анне Ахматовой. М.: Худож. лит., 1989. С. 219.

матери и ее противниками) стала исторической подосновой истории Гамлета¹⁸.

У Ахматовой были непростые отношения с сыном — Л. Н. Гумилевым. Она была одним из русских поэтов с «биографическими последствиями», о которых говорила с Н. Я. Мандельштам и которые вызывали чувство вины и потребность оправдания¹⁹. Равняясь на самые высокие образцы²⁰, Ахматова организовывала свою жизнь и выстраивала свою литературную биографию так, что в ней не было места «классической» семье и воспитанию ребенка²¹. У нее была богатая, «постгумилевская», сердечная жизнь, что могло восприниматься подросшим сыном как предательство по отношению к памяти отца. И вряд ли ахматовская горделивая самооценка: «Чужих мужей вернейшая подруга и многих — безутешная вдова»²², доставляла удовольствие рано осиротевшему Лева. Двое из «чужих» и «многих» (А. С. Лурье и Н. Н. Пунин) имели отношение к структурам той власти, которая погубила Н. С. Гумилева²³. Отношения Льва Гумилева с Н. Н. Пуниным, который в течение 15 лет был гражданским мужем Ахмато-

¹⁸ См.: Winstanley, L. James I and Hamlet. In: Winstanley, L. Hamlet and the Scottish Succession. <http://www.sourcetext.com/sourcebook/library/winstanley/hamlet/3.htm>.

¹⁹ Мандельштам Н. Об Ахматовой. / Сост. П. Нерлер. М.: Три квадрата, 2008. С. 121. http://imwerden.de/pdf/mandelstam_nadezhda_ob_akhmatovoy_2008_text.pdf.

²⁰ К примеру, в разговоре с П. Н. Лукницким о масштабах биографии поэтов Ахматова подчеркнула, что ей не известны даты женитьбы и рождения детей у Пушкина, т. к. для поэта такого уровня, как Пушкин, подобные сведения несущественны. — Лукницкий П. Н. Из дневника и писем // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 154.

²¹ Ахматовская характеристика первого супружества: «особенные, исключительные отношения, та непонятная связь, ничего общего не имеющая ни с влюбленностью, ни с брачными отношениями...» — Записные книжки. С. 365. Ср. у Н. Я. Мандельштам: «Основная ее <Ахматовой> жизненная ошибка — она хотела, чтобы у нее было как у людей, а этого не могло быть». — Мандельштам Н. Указ. соч. С. 173.

²² Ахматова А. А. Собр. соч. в 2-х т. М.: Изд-во Правда, 1989. Т. 1. С. 216.

²³ См: Кралин М. Ахматова и «деятели 14 августа» // Кралин М. М. Победившее смерть слово. Статьи об Анне Ахматовой и воспоминания о ее современниках. Томск: Изд-во «Водолей», 2000. С. 155—189.

вой, были холодными, не без ссор и стычек. Много позже, в октябре 1955 г., Гумилев писал Н. В. Варбанец:

«...Я не рассказывал тебе о тех годах, которые я прожил, будучи зависим (материально и квартирно) от ее <Ирины Пуниной> папаши. Морду набить надо бы прохвосту... <...> меня всегда отшибали к чертовой матери. <...> распространяться на эту тему я не хочу, чтобы не заражать тебя душевным смрадом, идущим от этой фамилии. Поверь мне. Я очень бы хотел, чтобы это было не так, но это так. Самое плохое — это маска благородства и участия, которого нет и от отсутствия которого я очень страдал»²⁴.

В различные периоды жизни сына и матери их отношения складывались по-разному, чаще всего под знаком взаимного непонимания и претензий, но иногда «необычайно дружно»²⁵. В аспекте нашей темы интересна изначальная карнавализация этих отношений — некая игра в царствующий дом, члены которого вольны были не выполнять правила игры, но не могли уклониться от особого действия — «королевствования»²⁶.

Остановимся на трех одновременных эпизодах, демонстрирующих неизменность распределения ролей. С осенью 1918 г. связано наблюдение В. Ф. Ходасевича за тем, как в пустой квартире Н. С. Гумилев общается с сыном «тоном короля, отсылающего дофина к его гувернерам»²⁷. В 1934 г. Ахматова оставляет двадцатидвухлетнему сыну назидательную записку: „*Una salus nullam sperare salutem. A. (ad usum delphini)*“ («Единственное спасение — не надеяться ни на какое спасение.

²⁴ «И зачем нужно было столько лгать?»: Письма Льва Гумилева к Наталье Варбанец из лагеря: 1950—1956 / Авт.-сост. Т. Позднякова, М. Козырева. СПб.: Музей Анны Ахматовой в Фонтанном Доме, 2005. С. 120.

²⁵ Мандельштам Н. Указ. соч. С. 132.

²⁶ Со слов Ахматовой известна просьба, якобы, высказанная маленьким Львом Гумилевым: «Мама, не королевствуй!» — Роскина Н. «Как будто прощаюсь снова...» // Воспоминания об Анне Ахматовой. С. 532.

²⁷ Ходасевич В. Гумилев и Блок // Ходасевич В. Некрополь. СПб: Издательский Дом «Азбука-классика», 2008. С. 129.

А. (дофину для пользования)»²⁸. В 1956 г., по возвращению Л. Н. Гумилева из лагеря, Ахматова проявляет «королевское» небрежение к его гостям, подчеркивая неподобающее «дофину» поведение²⁹.

Итак, Ахматова могла провести параллель между своими отношениями с сыном и эмоциями, связывающими Гамлета и Гертруду. Было ли в ощущениях и поведении Льва Гумилева нечто от ситуации наследного шекспировского принца? Соответствовал ли текст ахматовского жизненного и литературного поведения гамлетовской (гумилевской) эмоции? В известной мере, на оба вопроса можно дать положительный ответ.

Многое в поведении Гамлета и в мотивации его высказываний и поступков можно объяснить словами Лаэрта: «...он не хозяин своего желания, ибо он подчинен своему рождению»³⁰. Лев Гумилев также нес на себе груз «наследования» отцу и матери — именитым поэтам, которые в советском пространстве оценивались неоднозначно. Даже если бы Гумилев хотел забыть о том, кто его родители, люди и обстоятельства, окружающие его, напомнили бы ему об этом:

«Я любила его <Гумилева> мысль, высказываемую всегда с изящным и своеобразным лаконизмом, унаследованным от матери, его мужественную, как у отца, поэтическую взволнованность, благородство, с каким он нес свое тяжкое бремя, сравнимое с исторической судьбой преследуемых малолетних претендентов на престол»³¹.

²⁸ Черных В. А. Летопись жизни и творчества Анны Ахматовой. 1889—1966. Изд. 2-е, испр. и доп. М.: «ИНДРИК», 2008. С. 283.

²⁹ Эпизод, описанный Н. Казакевич (см.: Казакевич Н. И. Фрагмент воспоминаний // «Живя в чужих словах»: воспоминания о Л. Н. Гумилеве / Сост., вступ. ст., коммент. В. Н. Вороновича, М. Г. Козыревой. СПб: Росток, 2006. С. 206—207), прокомментирован в книге С. С. Белякова «Гумилев, сын Гумилева» (М.: Астрель, 2013. С. 310), название и содержание отдельных глав которой («Воспитание дофина», «Малый двор») симметричны нашим рассуждениям.

³⁰ Шекспир В. Трагедия о Гамлете, принце датском // Морозов М. М. Избранные статьи и переводы. М.: ГИХЛ, 1954. http://lib.ru/SHAKE-SPEARE/shks_hamlet9.txt_with-big-pictures.html. Далее перевод «Гамлета» цит. по этому эл. ресурсу. Иной перевод оговаривается особо.

³¹ Герштейн Э. Г. Мемуары. М.: «Захаров», 2002. С. 287.

Отдельные роковые повороты в жизни младшего Гумилева обуславливались его происхождением. Можно спорить, были ли аресты и «отсидки» проявлениями его социально-политического статуса — заложника неблагонадежной матери и расстрелянного за контрреволюционную деятельность отца. Но именно так это воспринимали он сам, его окружение и, самое главное, Анна Ахматова:

«Выслушивая не один раз тяжкие размышления Анны Андреевны о Леве, я не отдавала себе отчета, а может быть, и не знала, что у нее были реальные возможности уехать из России вскоре после казни Николая Степановича Гумилева. „А что бы было, если б он воспитывался за границей? — часто спрашивала она себя. — Он знал бы несколько языков, <...>, перед ним открылась бы дорога ученого, к которой он был предназначен“. <...> Вот это была единственная возможность спасти Леву. Многие матери покидают родную страну, чтобы избавить своих детей от преследований. Но отказаться от своего призвания Анна Ахматова не могла. Долг матери столкнулся с долгом Поэта»³².

Трагическая напряженность подобной ситуации сопоставима разве что с психологическим заложничеством Гумилева — наследником талантов и славы родителей³³.

Над ним, как над Гамлетом, нависала тень отца. Он разделял бремя памяти об отце (человеке и поэте, чем дальше, тем больше мифологизируемом) с теми, кто лично знал Н. С. Гумилева, с поклонниками его поэзии и, конечно, с Ахматовой. Она, отчасти, перекладывала на сына ту тяжесть, которую с некоторого времени добровольно несла сама, — бремя памяти о Николае Гумилеве, блестящем офицере, путешественни-

³² Там же. С. 400.

³³ Состоявшись как известный ученый, Л. Н. Гумилев постоянно отстаивал свое, выражаясь словами А. И. Солженицына, «самоустояние»: «Никогда не отрекаясь от своих родителей, отбыв за них два срока, Лев Николаевич тем не менее настаивал на том, чтобы в нем видели его самого, а не только сына знаменитых „Ани и Коли“». — Ямщиков С. Лев Гумилев: ученый, пророк, человек. <http://www.pravmir.ru/lev-gumilev-uchenyj-prorok-chelovek/>.

ке, выдающемся поэте³⁴. Оттого, например, стихотворные способности Льва Гумилева оценивались по самой высокой мерке. Свидетельство из дневников П. Н. Лукницкого:

«24.03.1927 О Леве: „Неужели он тоже будет стихи писать?! Какое несчастье! — и неожиданно быстро и будто серьезно добавляет: — У него плохая фантазия!“»³⁵

Возможно, в той фразе, которая прозвучала в день окончательного разрыва Гумилева с матерью: «Стихи испортили мне жизнь»³⁶, кроются не только обвинение в адрес матери³⁷ и факт чтения им вслух стихов «контрреволюционного содержания» (один из поводов для арестов Гумилева в 1935 и 1949 гг.), но и признание своего поражения в поэтическом соперничестве с отцом (и с матерью?). В этом случае, например, заявленное Гумилевым авторское право на образ «серебряного века», якобы, подсказанный им матери в процессе работы над «Поэмой без героя», можно рассматривать не как анекдотическую случайность или сдвиг в памяти³⁸, а как некий компенсаторный механизм. Не был ли *поэт* Лев Гумилев «эфебом» (Х. Блум) поэта Николая Гумилева, стремившимся превзойти отца, во всяком случае — в глазах матери?

В отношении Льва Гумилева к Ахматовой сплелись, на наш взгляд, претензии на доминирующую позицию в ее личной жизни, ревнивое отношение к ее славе, самолюбие та-

³⁴ «После расстрела Гумилева А. А. проявила себя настоящим другом и товарищем. Она давно покончила всякие личные счета со своим бывшим мужем и отцом Лёвы, или, во всяком случае, они были преданы забвению. <...> она вела себя не как бывшая жена, а как друг поэта, расстрелянного поэта, по самой высокой шкале». — Мандельштам Н. Указ. соч. С. 177—178.

³⁵ Лукницкий П. Н. ACUMIANA. Встречи с Анной Ахматовой: В 2 т. Париж, М.: YMCA-PRESS — Русский путь, 1997. Т. 2 (1926—1927). http://lib.ru/PROZA/LOUKNITSKIY_P/a2_.txt

³⁶ См: Герштейн Э. Г. Указ. соч. С. 549—550.

³⁷ Что признавалось самой Ахматовой в определенных аффективных состояниях. Например, в день ареста сына (1938) она сожгла свою драму «Пролог», трансформируя свою вину матери в наказание себе — поэту: «она долго металась по комнате, хватала бумаги — к чорту стихи — всё из-за них! — и швыряла их в горящую печку». — Мандельштам Н. Указ. соч. С. 132.

³⁸ См.: Герштейн Э. Г. Указ. соч. С. 367—368.

лантливому, но недооцененному ученому с судьбой, искореженной по вине социально и творчески «сомнительных» родителей:

«...Вы пишете, что не мама виновница моей судьбы. А кто же? Будь я не ее сыном, а сыном простой бабы, я был бы... процветающим советским профессором, беспартийным специалистом, каких множество. Сама мама великолепно знает..., что единственным поводом для опалы моей было родство с ней. Я понимаю, что она первое время боялась вздохнуть, но теперь спасать меня, доказывать мою невиновность — это ее обязанность; пренебрежение этой обязанностью — преступление»³⁹.

А что Ахматова? О ее материнской любви, унижительных хлопотах об освобождении сына, жертвах профессионального поэта, принесенных во имя его спасения, широко известно. Степень их интенсивности и действенности можно оценивать по-разному. Ахматовой ее чувства и поступки, связанные с вызволением сына из заключения, казались исчерпывающими и единственно возможными. Льву Гумилеву они представлялись недостаточными и несовершенными. Приведем отрывки из письма Н. В. Варбанец, адресованного ожидающему освобождения Гумилеву, и фрагмент из воспоминаний Э. Г. Герштейн:

«Мама <Анна Ахматова>, конечно, из суеверия даже и думать не смеет о твоём устройстве, пока ты фактически не приедешь. Думаю, что она сразу начнет тебя лечить и отправлять в санаторий, что вполне резонно, как и все, что она предпринимает <...> Вообще она стала жизненно как-то много организованной. <...> ...м. б., в первую очередь потому, что ей нужно было бороться с болезнями, чтоб жить и помогать тебе. Я вообще уверена, что она, м. б., потому только и жива и полноценна, что сознавала себя единственной твоей опорой в мире»⁴⁰;

³⁹ Там же. С. 411.

«Когда, негодуя, он в который раз приводил ей в пример других матерей, она повторила, не выдержав: „Ни одна мать не сделала для своего сына того, что сделала я!“»⁴¹

Итак, в письмах Гумилева и в его высказываниях, закрепленных памятью современников, красной нитью проходит тема материнской нелюбви (равнодушия) к нему и неисполненного материнского долга.

С точки зрения эдипальных отношений, свою роль играло и отмеченное И. Бродским: Лев Гумилев был не только сыном Анны Ахматовой, «он был — в отсутствие отца — мужчиной в семье. А она, хоть и мать, и поэтесса, и Ахматова, но, тем не менее — женщина. И поэтому он как бы может сказать ей все, что ему заблагорассудится»⁴². Только напряженное сознание виновности могло породить ахматовский сон, о котором рассказала Н. Я. Мандельштам:

«Коридор пунинской квартиры, где стоит обеденный стол, а в конце за занавеской спит Лева, когда его пускают в этот дом... В коридоре „они“, ей предъявляют ордер и спрашивают, где Гумилев. Она знает, что Николай Степанович спрятался у нее в комнате — последняя дверь из коридора налево. Она выводит из-за занавески сонного Леву и толкает его к чекистам: „Вот Гумилев“. Остается неизвестным, которого из двух они ищут: ведь старший уже убит. „Меня мучит, что я отдала им Леву“, — сказала она мне, когда в первый раз рассказывала „мой сон“»⁴³.

Ахматова была беспомощна и зависима от того повелевающего и порочащего «взгляда Другого» (Ж.-П. Сартр), вопло-

⁴⁰ Цит. по: Рубинчик О. Das Ewig-Weibliche в советском аду // Toronto Slavic Quarterly. 2003. № 5. <http://www.utoronto.ca/tsq/05/rubinchik05.shtml>

⁴¹ Герштейн Э. Г. Указ соч. С. 373, 394.

⁴² Волков С. Указ. соч. С. 466. Ср. из письма Л. Н. Гумилева Э. Г. Герштейн от 8.03.1955 г.: «У меня возникает иногда подозрение, что мама любит меня по инерции, что она отвыкла (по-женски) от меня, ибо довлеет дневи злоба его». — Цит. по: Герштейн Э. Г. Указ. соч. С. 410.

⁴³ Мандельштам Н. Указ. соч. С. 114—115.

щением которого был Лев Гумилев. Этот «взгляд» порождал перманентную психологическую ситуацию, аналогичную зафиксированной Шекспиром:

«Гамлет. Вы не уйдете, пока я не поставлю перед вами зеркало, в котором вы увидите самую сокровенную часть вашей души. <...> Королева. Ты повернул мне глаза внутрь души, и я вижу там такие черные, плотно въевшиеся пятна, которые не меняют своего цвета».

«Черными пятнами» интериоризированной вины была отмечена не только ее роковая роль матери в судьбе сына, но и демоническая грань ее гендерной самоидентификации: женщина, к которой «приходили», как выразился В. Г. Гаршин, «только через преступление»⁴⁴. В этом смысле королевскими «зеркалами» Ахматовой, действительно, могли быть и Мария Стюарт, и шекспировская Гертруда. В прямолинейном же истолковании сына это выглядело приблизительно так:

«...она все рассматривала через любовь, только для нее любовь — это не то, что для нас с Натальей Викторовной <женой Л. Н. Гумилева> — вот, рядом быть, а для нее — постель. Вот она и копалась в Наталье Николаевне и Дантесе»⁴⁵.

⁴⁴ Чуковская Л. Записки об Анне Ахматовой: В 3-х тт. М.: Согласие, 1997. Т. 1. С. 344.

⁴⁵ Дневниковая запись Н. П. Колосовой от 7.12.1986. — Колосова Н. Дневниковые записи о Л. Н. Гумилеве // Наше наследие. 2012. № 103. <http://nasledie-rus.ru/podshivka/10317.php>. Ср.: «Помню, как редко плачущая Анна Андреевна прослезилась, жестоко уязвленная моим неосторожным рассказом. Речь шла о его стремительном ухаживании за одной из приятельниц Анны Андреевны, которой он жаловался: „Мама не любила папу, и ее нелюбовь перешла на меня“». — Герштейн Э. Г. Указ. соч. С. 399.

Подобные суждения и поведение Л. Н. Гумилева, вероятно, можно рассматривать как проявления непроработанности эдипального конфликта. Канва его «партнерских» отношений подтверждает это. По мнению ученика и друга Л. Н. Гумилева, Вяч. Ю. Ермолаева (в письме к автору данной статьи от 4.04.2013 г.), «одним из главных мотивов его <Гумилева> позднего брака была готовность неудавшейся художницы Н. В. Гумилевой полностью подчинить свою жизнь ведению хозяйства и творческим планам будущего мужа», т.е. решимость к «материнскому» самопожертвования — к той

Можно с известной долей осторожности утверждать, что Л. Н. Гумилев создавал «Я-концепцию» в пределах частного бытия самобытного *независимого ученого* с непростой судьбой; процесс самоидентификации сопровождался выработкой *оправдательных понятий*, которые примиряли образ самого себя с реальностью и предоставляли, как выразился Э. Фромм, «иллюзию определенности», освобождая от конфликтов, сомнений и, в определенной мере, от ответственности⁴⁶. Подобный вывод можно было бы аргументировать отдельными высказываниями Гумилева, а также их оценкой собеседниками:

«В. Е<нишерлов> — Какую роль в вашем отношении к поэзии сыграла наследственность? — Л. Н. Г<умилев> — Думаю никакую, хотя для заработка я переводил иногда персидских, афганских, других восточных поэтов. Но я всегда был погружен в науку. <...> Влияние родителей было на меня, в основном, генетическое Отца расстреляли, когда мне было 9 лет, я мало с ним встречался. Хотя прекрасно помню книги, в том числе по истории, которые он давал мне читать. <...> И стихи читаю, как он читал. С матерью по-настоящему познакомился в Ленинграде, в 17 лет. До этого жил в Бежецке с бабушкой, с мамой встречались изредка. Да и потом виделся мало — то уезжал в экспедиции, то сидел в тюрьме и лагере, то воевал»⁴⁷;

«Лев Николаевич... оживает, лишь когда говорит „о своем“, иначе или односложно отвечает, или раздраженно. <...> Дважды цитировал маму и папу, ясно, что чтит их, не терпит, когда говорят другие и когда — глав-

расстановке сил во взаимоотношениях, на которые, судя по всему, не решалась Н. В. Варбанец. Однако расследования такого толка лежат за пределами как нашей компетенции, так и темы данной статьи.

⁴⁶ Фромм Э. Кредо // Фромм Э. Избавление от иллюзий. Сопоставление взглядов Маркса и Фрейда. Пер. с англ. М.: Айрис-пресс, 2005. http://www.psycholok.ru/lib/fromm/loi/loi_12.html

⁴⁷ Из интервью 12.09.1986 г. — Цит. по: Комментарии Н. П. Колосовой, В. П. Енишерлова к публ. Н. Колосовой «Дневниковые записи о Л. Н. Гумилеве». <http://nasledie-rus.ru/podshivka/prim/10317prim.htm>

ное — его воспринимают как сына великих родителей»⁴⁸.

Следует, тем не менее, уточнить, что с точки зрения создателя пассионарной теории этногенеза, Н. С. Гумилев был личностью, импульс пассионарности которой (в сравнении с безусловной для Л. Н. Гумилева собственной пассионарностью) был очень силен, и в этом, можно предположить, отец отличался от матери. На вопрос: «Пассионарен ли был Н. С. Гумилев?», Гумилев-младший отвечал:

«Вероятно, у меня пассионарность повышена, мне постоянно хочется поделиться своими мыслями, теориями. <...> Но насколько же моя пассионарность слабее, чем у Николая Степановича. Она проявлялась, например, и в его путешествиях в Африку, и в героическом поведении на войне... Люблю его „Дракона“, стихи „Шатра“ — они ярко пассионарны. <...> В истории литературы нет проблем, которые меня бы волновали. Там проблема на персональном уровне, а меня интересуют проблемы на этническом уровне. — „А стихи Ахматовой?“ — „Мама писала про любовь, а не про этногенез, как-то не вспомню“»⁴⁹.

В этом смысле отношение к отцу зрелого Л. Н. Гумилева сопоставимо с преклонением (обостренным ревностью и отращиванием к матери) принца Гамлета перед королем Гамлетом⁵⁰.

Нельзя сказать, что Гумилев-младший не отрефлектировал перемены, произошедшие с ним в годы заключения:

⁴⁸ Колосова Н. Указ. соч. Запись от 15.09.1984 г.

⁴⁹ Интервью 12. 09. 1986 г. — Цит. по: Комментарии Н. П. Колосовой, В. П. Енишерлова.

⁵⁰ „A combination and a form indeed / Where every god did seem to set his seal / To give the world assurance of a man“. — Shakespeare, W. The Complete Works. Compact edition. Gen. ed.: St. Wells&G. Taylor, Clarendon Press-Oxford University Press, 1988. P. 676. Далее это издание цит. с указанием страницы в скобках. В рус. переводе: «Кажется, что на это сочетание качеств и на этот облик каждый из богов поставил свою печать, чтобы удостовериться, что это действительно был человек».

«...опустошенности душевной у меня нет, но есть отсталость от возраста. Здесь время стоит и душа в анабиозе, а тело стареет, и вот в чем дисгармония. Психологический возраст мой отстал от физического лет на 10. Ну что тут хорошего? Это не лучше опустошенности обывателя, хотя и не то.

Мечты о будущем, вообще, действуют вроде валерианки, но я и этого лишен, ибо жизнь изменилась до неузнаваемости, мое поколение уже отживает, а мне предстоит лишь начинать жизнь.

Все личные отношения, которые у меня были, порваны кривой Хроноса. Это я чувствую отчетливо. Поэтому я просто не знаю, о чем мечтать. Поэтому я принял следующую установку на будущее: доживать, по силе возможности охраняя свой покой и одиночество. Это не очень весело, но как будто лучшая из возможностей. Во всяком случае советская наука от этого выиграет»⁵¹.

Итак, львиная доля вины за личностные трансформации была возложена Гумилевым на прошлое и настоящее в их связи с матерью.

Ахматова, анализируя фатальное изменение личности сына, произошедшее в течение его последнего лагерного срока, пришла к выводу, отчасти объясняющему ее самооправдывающую деидентификацию с королевой Гертрудой и Марией Стюарт. Одна из ее дневниковых записей содержательно и эмоционально отсылает к интерпретации Гертрудой неадекватного поведения Гамлета⁵². Эта запись от 11.09.1965 г. касается одного из стихотворений вернувшегося из ссылки И. Бродского:

⁵¹ Письмо Э. Г. Герштейн от 3.04.1956 г. — Цит. по: Герштейн Э. Г. Указ. соч. С. 447—448.

⁵² Королева, любящая и жалеющая сына, объясняет помутнение его рассудка влюбленностью в Офелию (утешительная иллюзия) или (отдавая себе отчет в истинной причине) «смертью его отца и нашим <ее и Клавдия> слишком поспешным браком».

«...в смысле пути нравственного это то, о чем говорит Достоевский в „Мертвом доме“: ни тени озлобления и высокомерия, бояться которых велит Ф<едор> М<ихайлович>. На этом погиб мой сын. Он стал презирать и ненавидеть людей и сам перестал быть человеком. *Да просветит его Господь! Бедный мой Левушка*»⁵³.

В записи доминируют интонация сожаления и сострадания, молитва о Божественном Просвещении помутненного обстоятельствами человеческого разума. Лев Гумилев мог бы ответить на это словами Гамлета:

«Матушка, ради бога, / не прикладывайте к душе снадобья самообмана, / будто во мне говорит не совершенный вами *грех, а безумие* / Это только покроет язву тонкой кожей, / а гнусная порча, подрывая все внутри, / будет незримо распространять заразу. Исповедуйтесь перед небом».

Преодолевая «грех», Ахматова пошла, как писал И. И. Ильин, «навстречу страданию», по пути одухотворения душевных мук⁵⁴ — прежде всего, в поэме «Реквием». По замечанию Э. Г. Герштейн, Ахматову угнетало гумилевское «сознательное снижение масштаба ее общей судьбы с сыном»⁵⁵. Мы бы истолковали это наблюдение таким образом: стремление Гумилева измерять их совместную судьбу и сложившиеся взаимоотношения величинами бытовой психологической драмы не соответствовало трагедийным параметрам их исторического бытия в оценке Ахматовой. В историческом же существовании она нащупывала «внеисторическую реальность» культуры — так в «Реквиеме» кульминацией становится «первообраз

⁵³ Записные книжки. С. 667. Курсив мой. — Г. М. Ср. в реплике королевы Гертруды: „But look where sadly *the poor wretch* comes reading“ (Р. 665. В пер. М. Л. Лозинского: «Вот он идет печально с книгой, *бедный*») или в реплике самого Гамлета: “mine own *poor part*” (Р. 662, «*моя бедная участь*»).

⁵⁴ Ильин И. И. О грехе и страдании // Ильин И. И. Аксиомы религиозного опыта. Исследование в 2-х тт. М.: «Русская книга», 2002. Т. 2. <http://www.magister.msk.ru/library/philos/ilyin/ilyin09.htm>

⁵⁵ Герштейн Э. Г. Указ. соч. С. 399.

страдания» (глава «Распятие»), а в поэзии в целом — разнообразии культурных и архетипических отсылок (анализируемый черновый набросок в записных книжках — из их числа). С христианской точки зрения, в контексте размышлений о грехе, вине, страдании, искуплении, подобное можно было бы рассматривать как один из путей приобщения к некоей *совокупной*, общечеловеческой греховности и виновности. И это, как не странно, было воспринято Гумилевым (человеком верующим) как искупление материнской вины посредством *просоциального акта*: он «противопоставил поступок Поэта не совершённым поступкам матери»⁵⁶ в защиту сына, т. е. *личностному* поведению Ахматовой.

Есть и иные оттенки в интерпретации Львом Гумилевым поэзии Ахматовой, совпадающие, судя по всему, с ее самоощущением творца и позволяющие несколько иначе объяснить смысловую флуктуацию стихотворного наброска о предначертанном картами пути. В письме Э. Г. Герштейн от 25.03.1955 г. Гумилев писал:

«...ни один нормальный человек не в состоянии поверить, что матери наплевать на гибель сына. А для нее моя гибель будет поводом для надгробного стихотворения о том, какая она бедная — сыночка потеряла, и только»⁵⁷.

На подобные высказывания Гумилева-младшего обратил внимание Бродский:

«И он сказал ей как-то фразу, которая Ахматову чрезвычайно мучала. <...> Это не точная цитата, но смысл слов Гумилева был таков: „Для тебя было бы даже лучше, если бы я умер в лагере“. То есть имелось в виду — „для тебя как для поэта“»⁵⁸.

⁵⁶ Л. Н. Гумилев — А. А. Ахматовой. Письма, не дошедшие до адресата.

⁵⁷ Цит. по: Герштейн Э. Г. Указ. соч. С. 412.

⁵⁸ Волков С. Указ. соч. С. 465—466.

Представляется, что, несмотря на радикальность подобных суждений Л. Н. Гумилева, доля истины в них есть, и Ахматова могла это осознавать, терзаясь виной перед сыном. Как не жестоко это звучит, судьба Льва Гумилева была тем субстратом жизненной действительности, который преобразовывался в искусство. Здесь мы обратимся к авторитету автора, который в 1960-е гг. входил в круг избранного чтения Ахматовой — к Томасу Элиоту⁵⁹.

Одна из работ Элиота, «Гамлет и его проблемы» (1919), типологически может быть сопоставлена с нашими рассуждениями о смыслах ахматовского чернового наброска о Гертруде и Марии Стюарт. Упрекая Шекспира в нейтральности и незначительности характера Гертруды, Элиот писал о трагедии «Гамлет» как о «пьесе воздействия вины матери на сына»⁶⁰. При этом Гертруда не является воплощением преступности; ее поступки, поведение, речи не соответствуют тем чувствам, которые испытывает по отношению к ней ее сын:

«Гамлет столкнулся с тем, что испытываемое им чувство отвращения связано с матерью, но целиком это чувство мать не воплощает — оно и сильнее, и больше ее. Таким образом, он во власти чувства, которого не может понять, не может представить в земной оболочке, и поэтому оно продолжает отравлять жизнь и заставляет его медлить с отмщением».

В этом же эссе, выражая требования к осмысленности эмоции в художественном тексте, Элиот сформулировал категорию «объективного коррелята»:

⁵⁹ См.: Записные книжки. С. 667. С поэтическими текстами Элиота Ахматова была знакома, по крайней мере, с 1949 г. — См.: Иванов Вяч. Вс. Указ. соч. С. 474. Многие значили энтузиазм собеседников и конфиденентов Ахматовой в начале 1960-х гг. — А. Сергеева, И. Бродского, А. Наймана, читавших и переводивших Элиота. — См.: Записные книжки. С. 695, 708.

⁶⁰ Элиот Т. С. Гамлет и его проблемы // Элиот Т. С. Назначение поэзии. Статьи о литературе. Киев: AirLand, 1996. <http://noblit.ru/node/1192>. Далее эссе Элиота цит. по этому эл. ресурсу.

«Единственный способ выражения эмоции в художественной форме состоит в том, чтобы найти для нее „объективный коррелят“, — другими словами, ряд предметов, ситуацию или цепь событий, которые станут формулой данного конкретного чувства. Формулой настолько точной, что стоит лишь дать внешние факты, должны вызвать переживание, как оно ментально возникает».

Речь идет о законах преобразования внутреннего переживания в художественное произведение, о подавлении эмоции для ее возрождения в искусстве. В отношении Ахматовой, это точно сформулировал Бродский (возможно, не без оглядки на Элиота):

«„Реквием“ — произведение, постоянно балансирующее на грани безумия, которое привносится не самой катастрофой, не утратой сына, а вот этой нравственной шизофренией, этим расколом — не сознания, но совести. Расколом на страдающего и на пишущего»⁶¹.

Ахматова — человек (мать) переживала и мучилась за сына, Ахматова — поэт должна была рационализировать чувства, чтобы переплавить эмоцию страдания в поэзию. Сопоставим риторику вопрошания в стихотворном наброске Ахматовой от 27.06.1958 г.:

...Зачем и кому говорила,
Зачем от людей не таю,
Что каторга сына сгноила,
Что Музу засекли мою.
Я всех на земле виноватей,
Кто был и кто будет, кто есть,
И мне в сумасшедшей палате
Валяться — великая честь⁶².

с фрагментом из воспоминаний Э. Г. Герштейн, касающимся психического состояния Ахматовой после ареста Гумилева в марте 1938 г.:

⁶¹ Волков С. Указ. соч. С. 464.

⁶² Записные книжки. С. 16. Курсив мой. — Г. М.

«Шофер двинул машину со стоянки, спросил, куда ехать. Она не слышала. <...> Он дважды повторил вопрос, она очнулась: „К Сейфуллиной, конечно“. „Где она живет?“ <...> Анна Андреевна что-то бормотала. <...> почти взвизгнула сердито: „Неужели вы не знаете, где живет Сейфуллина?“ <...> Наконец я догадалась: в Доме писателей? Она не отвечала. <...> Мы поехали. Всю дорогу она вскрикивала: „Коля... Коля... кровь...“ Я решила, что Анна Андреевна лишилась рассудка. Она была в бреду. <...> Через очень много лет, в спокойной обстановке, Ахматова читала мне и Толе Найману довольно длинное стихотворение. Оно показалось мне знакомым. „Мне кажется, что давно вы мне его уже читали“, — сказала я. „А я его сочиняла, когда мы с вами ехали к Сейфуллиной“, — ответила Анна Андреевна»⁶³.

Это и есть стихотворное и прозаическое свидетельства сопряженного с моральной виной претворения жизненной эмоции в текст.

Таким образом, внутренним разладом между бытовым и бытийным, социальным и экзистенциальным, этическим и эстетическим — упразднением и, одновременно, констатированием неприемлемого «двойничества» — утвержден неподвластный рациональному контролю путь лирического субъекта поэзии Ахматовой, потребовавший в случае «гадательного», «шекспировского» стихотворного наброска столь пестрого литературно-исторического и, в определенной степени, психоаналитического комментария.

⁶³ Герштейн Э. Г. Указ. соч. С. 244—245.